

Троцук Ирина Владимировна
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
irina.trotsuk@yandex.ru

**Эмпирический и теоретический потенциал качественного подхода
в социологических исследованиях сельской жизни²⁴¹**

Аннотация. В статье обозначено два условных «полюса» социологического изучения российского села – количественный (статистические и социальные обследования) и качественный (полевые исследования в формате кейс-стади), возможности, ограничения и области применения которых имеют серьезные отличия с методической, теоретической и практико-управленческой точек зрения. В статье проиллюстрированы не только общеизвестные «диагностические» обещания «больших данных» и кейс-стади, но и неочевидные контексты аналитического обобщения нынешних проявлений сельской альтруистической предпринимательской инициативы («теория малых дел»).
Ключевые слова: количественный подход; качественный подход; кейс-стади; сельская социология; сельская Россия; сельские предприниматели; местные инициативы; «теория малых дел»

Trotsuk Irina Vladimirovna
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation
irina.trotsuk@yandex.ru

**Empirical and theoretical potential of the qualitative approach
in the sociological study of rural life²⁴²**

Abstract. The article identifies two ‘poles’ in the sociological study of rural Russian Federation – quantitative (statistical and social research) and qualitative (field research in the case study format), the possibilities, limitations and applications of which differ significantly in the methodological, theoretical and practical perspective. The article provides examples not only of the widely recognized ‘diagnostic’ promises of ‘big data’ and case studies, but also of the non-obvious contexts for the analytical generalization of the current manifestations of the rural altruistic entrepreneurial initiative (‘theory of small deeds’).

²⁴¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект № 18–011–00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья».

²⁴² The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No 18–011–00568 “Models of interaction of agricultural business and local authorities: mechanisms of reproduction of the entrepreneurs’ stratum and informal economy in the Non-Black Earth Region”.

Keywords: quantitative approach; qualitative approach; case study; rural sociology; rural Russian Federation; rural entrepreneurs; local initiatives; 'theory of small deeds'

Если применить для описания отечественной традиции социологических исследований села метафору биполярности, то это предметное поле распадется на два условных «полюса». С одной стороны, это практика этнографических наблюдений за локальными сельскими реалиями, опирающаяся на разные сочетания качественных методов и с сильным антропологическим и/или крестьяноведческим акцентом) [см., напр.: Виноградский, 2009; Ястребинская, 2005] (практика несколько маргинальная для «управленцев», которые не признают такой «микроскопический» подход – как бессмысленный в сфере макро-решений). С другой стороны, это широкомасштабные социальные обследования, сочетающие статистические и социологические «большие данные» и потому представляющие для «управленцев» интерес – как макро-описания прошлого и настоящего аграрных реформ, человеческого и социального капитала сельских территорий и агропромышленного комплекса, социально-географической дифференциации российского пространства и т.д. [см., напр.: Калугина, Фадеева, 2009; Многоукладность России..., 2009; Шагайда и др., 2019]. Так, «большие данные» позволили систематизировать предпосылки постсоветской аграрной реформы, оформившиеся еще в советский период – «на протяжении десятков лет дореформенного периода научные работники, руководители хозяйств обосновывали необходимость изменения взаимоотношений государства и сельхозпроизводителей, системы организации производства, пробовали разные системы стимулирования работников» [Узун, Шагайда, 2015: 12] – и обобщить теорию и практику её реализации, её итоги и задачи дальнейшей перестройки сельского хозяйства.

Упоминания «управленцев» в обоих «полюсах» не случайны: они опираются на «большие данные», чтобы обосновать правильность и успешность принятых решений и/или объяснить причины отклонения от контрольных показателей государственных проектов и программ реально достигнутых результатов. Однако сельские социологи предпочитают живые иллюстрации жизни на селе, реконструированные в рамках качественного подхода, чтобы показать, что именно стоит за бравурными «большими данными» и как именно они «получаются». Нередко подобные иллюстрации пронизаны известным российским дискурсом имитационности: местные власти рапортуют о ситуации так, чтобы не вызвать гнева вышестоящего начальства (часто в интересах общего дела – получения дополнительных средств на развитие социальной инфраструктуры), а местные предприниматели презентуют себя так, чтобы получить необходимую поддержку «сверху» (скажем, если «сверху» есть запрос на кооперацию, то создают кооперативы, которые существуют только на бумаге [см., напр.: Максимов, 2018; Сарайкин, Янбых, 2018; 2019]). И первые, и вторые могут старательно поддерживать сложившийся еще в советский период «статус кво» (монопольный контроль земельных ресурсов) или просто «рисовать» нужную отчетность, которая бы на бумаге устраивала контролирующие органы, и потому те ни во что не вмешивались бы и не мешали сельским жителям придумывать все новые неформально-сетевые

инструменты выживания в условиях непредсказуемых и изменчивых социально-экономических реалий. В этих констатациях нет негативного оценочного компонента – такова повседневность сельской жизни, которая просто не сможет сохраниться, если все задействованные в её поддержании акторы не будут применять те или иные имитационно-ролевые игры. Вопрос в том, насколько успешно складывается их взаимодействие: в зависимости от этого, но, безусловно, и с учетом социально-экономических, демографических и биоклиматических условий в сельской России оформились «территории роста», «территории стагнации» и «территории сжатия» (или «зоны запустений») [см., напр.: Нефедова, 2003]).

Несомненно, и количественный, и качественный подход принципиально важны для сельской социологии: первый позволяет увидеть общие тенденции, второй – показать, как они реально складываются и проявляются в жизни типичных (по разным критериям) сельских территорий, поселений и жителей. Если речь идет о результатах постсоветского аграрного реформирования, то длительные этнографические наблюдения в рамках изучения конкретных кейсов (сельских поселений или районов) помогают понять, какие социально-экономические формы стоят за статистически обоснованными утверждениями о многоукладной аграрной экономике; почему огромные сельскохозяйственные организации (агрохолдинги) вытесняют крестьянско-фермерские и личные подсобные хозяйства; почему российское сельское хозяйство давно утратило статус «коллективного»; почему так сильны региональные различия в аграрной структуре; каковы реальные механизмы «существенного перераспределения земли по категориям, между собственниками, видами собственности и землепользователями», причины «изменения состава крупнейших производителей, перераспределения мест регионов и увеличения концентрации производства в крупнейших регионах» [Узун, Шагайда, 2015: 182, 206], а также последствия «полного и безоговорочного торжества крупных и очень крупных хозяйств..., невиданного витка аграрной гигантомании... на фоне ликвидации крестьянских фермерских и личных подсобных хозяйств... и исчезновения каждый день по две деревни» [Смыслы сельской жизни..., 2016: 14].

Качественный подход позволяет реконструировать субъективное измерение макроэкономической картины («абсурд действий властей», «подчинение обстоятельствам», «“бумажные” собственники-хозяева» и т.п.) и показать радикальные изменения жизненного мира сельчан вследствие трансформации их обыденных практик и традиционной сельской общности – «раскрестьянивания», «социального отчуждения» и «выжженного социального ландшафта»: «крестьянский мир распался, нет ничего общего, объединяющего людей, растет разобщенность и замкнутость» [Смыслы сельской жизни..., 2016: 45]. Однако новые сельские реалии характеризуются не только перечисленными негативными тенденциями, обусловленными неэффективностью формальных социально-экономических институтов (негативные тренды хорошо улавливаются количественными показателями), но и позитивными тенденциями возрождения сельских сообществ на основе механизмов неформальной

экономики (сети взаимной моральной поддержки и реальной взаимопомощи, разные формы низовой мобилизации), вынужденно компенсирующей материальные сложности и низкий уровень жизни (здесь лучше работает предлагаемая качественным подходом аналитическая «оптика»). Причем оба типа тенденций в значительной степени являются результатом неоправданной романтизации деревни постсоветскими реформаторами и их утопического и потому не сработавшего на практике «фантастического представления о колхознике, который, получив землю, превратится в фермера и самостоятельно сможет осуществить весь производственный цикл – закупить семена, удобрения, горюче-смазочный материал, внести удобрения, собрать урожай, а затем его продать» [Смыслы сельской жизни..., 2016: 52].

Казалось бы, все написанное – вполне очевидные и общепризнанные вещи, так почему же нужно опять обращаться к условному противостоянию количественного и качественного подходов в сельской социологии. Дело в том, что в дискуссиях о возможностях двух подходов наметилось методологическое смещение: во-первых, за качественными исследованиями была закреплена второстепенная роль в том смысле, что им необходим объективный количественный контекст, но они, в свою очередь, призваны оценить его реалистичность; во-вторых, были признаны методические ограничения и качественного, и количественного подходов, однако качественным исследованиям было также отказано в широких обобщениях (нерепрезентативность ограничивает объяснительные возможности «мини-теорией случая»). Первое обстоятельство вряд ли нуждается в пояснениях, а вот второе требует некоторого уточнения: невозможность широкой экспликации результатов качественного исследования вряд ли может выступать основанием для ограничений теоретизирования. Попробуем объяснить, о чем идет речь, на нескольких примерах.

Первый пример – мониторинг состояния сельских территорий, разработанный Департаментом развития сельских территорий Минсельхоза России и Центром развития сельских территорий и рынка труда ВНИИЭСХ, по итогам которого публикуются научные информационно-аналитические доклады [О состоянии сельских территорий, 2017; 2018]. На сегодняшний день было проведено пять волн обследований по единой тематической структуре статистического и социологического сбора и анализа данных, что позволяет проводить интегральную оценку дифференциации российских регионов по уровню социально-экономического развития. Четыре волны опирались на данные статистических наблюдений и результаты выборочных обследований бюджетов домохозяйств, в 2018 году мониторинг был дополнен телефонным опросом сельских жителей (N=2002) и реализован Институтом прикладных экономических исследований РАНХиГС [Шагайда и др., 2019].

Результаты телефонного опроса показали следующую структуру реальной занятости сельских респондентов: трудоустроенные (48 %) и пенсионеры (43 %), что ярко характеризует ситуацию на селе; безработными себя назвали лишь 6 %, потому что женщины обычно занимаются домашним хозяйством, воспитывают детей (10 %)

или находятся в декрете (3 %). Структура трудовой занятости сельских жителей имеет гендерные различия, обусловленные как объективными возможностями трудоустройства (среди мужчин – 63 %, женщин – 38 %), так и особенностями демографической структуры села (среди женщин каждая вторая – пенсионерка, среди мужчин – 28 %). Большинство трудоустроенных – наемные работники (89 %), на себя (владелец компании, фермер или индивидуальный предприниматель) работает 12 % (18 % мужчин против 6 % женщин). По месту проживания работает 64 % трудоустроенных (73 % женщин против 54 % мужчин), каждый третий вынужден работать в ближних населенных пунктах (чаще мужчины – 36 % против 25 %), а каждый десятый – в других регионах (16 % против 4 %). Вероятно, в последнем случае речь идет о вахтовой работе, а трудоустройство в ближних населенных пунктах – показатель отсутствия в своем поселении либо работы как таковой, либо работы по специальности, либо нормально оплачиваемой работы. Реже всего трудоустроены по месту проживания сельские жители Центрального федерального округа (52 %): работают в ближних населенных пунктах (36 %) или в других регионах (14 %). Сельские жители Северо-Западного, Уральского, Сибирского и Дальневосточного округа реже работают в ближних населенных пунктах (25 %, 17 %, 24 % и 23 %) за счет более высоких долей выезжающих на заработки в другие регионы (по 13 %, кроме 6 % в Сибирском округе).

Отсутствие профессиональных перспектив не заставляет сельских респондентов думать о переезде на постоянное место жительства в город – 70 % не хотели бы уехать из села даже имея такую возможность, иначе думает 28 %. Впрочем, учитывая доли пенсионеров и занимающихся домашним хозяйством отказ от переезда в город может означать не столько нежелание сделать этот серьезный шаг, сколько объективное признание недостатка сил для переезда. С возрастом доля выражающих намерение переехать в город снижается с 43 % до 18 %: молодежь чаще уверена, что сельские поселения могут существовать за счет дачников (в целом 54 % отметили, что в их населенных пунктах дачники есть), и чаще не удовлетворена работой местных властей по решению проблем поселения (в целом не удовлетворены 55 %).

Телефонный опрос, с одной стороны, подтвердил статистически фиксируемую и устойчивую в общественном мнении картину сельского запустения (значительная безработица и разрушающаяся/слабая социальная инфраструктура) в маргинально-периферийных регионах Нечерноземья, а также неудовлетворенность работой местных властей; с другой стороны, показал относительную стабилизацию численности сельского населения (на сельских территориях живут те, кто в принципе не собирается переезжать в города) и удивительно оптимистичную картину сельской занятости (достаточно высокие доли трудоустроенных и предпринимательской деятельности). Негативные тенденции неизменно подтверждаются и результатами качественных исследований, но можно ли сказать то же самое о позитивных тенденциях?

Прежде всего, отметим, что речь идет не о качественном подходе вообще, а о конкретной тактике качественного исследования – кейс-стади [см., напр.: Троцук,

2007; Штейнберг и др., 2009; Creswell, 2013; 2014], которая обеспечивает практическую направленность работы (и гуманистический настрой – понять, чтобы помочь людям жить лучше), быстроту и относительную простоту её организации и корректировки «в поле», чередование процедур сбора и анализа данных, сочетание множества источников информации (статистические данные, автобиографические записки, семейные бюджеты, включенное наблюдение, полуформализованные интервью), отказ от репрезентативной выборки в пользу «типичности» и от попыток найти единое объяснение в пользу «плотного» описания, а также тесное взаимодействие с респондентами, которые выступают в качестве «экспертов» [см., напр.: Овчинцева, 2004; 2018], что позволяет избежать того «взгляда на экономику, что исключает культурный аспект деятельности индивидуальных экономических агентов и институтов, в которых они участвуют, и скорее всего будет страдать от серьезных недостатков в объяснении и понимании поведения» [Тросби, 2018: 58].

Все это не отменяет недостатков кейс-стади, которые прекрасно видны в недавно переведенной на русский язык книге «Моральные основы отсталого общества» [Бэнфилд, 2019], свидетельствующей, что эти ограничения кейс-стади вряд ли устранимы. Книга описывает не только множество поразительно устойчивых социальных практик сельской жизни (на этапе нарастания урбанизационного и глобализационного давления), но и особенности эмпирического изучения «чужаком» социокультурных детерминант экономического поведения с помощью кейс-стади, в котором неизбежны: субъективно-предвзятое восприятие иного социального опыта (отстраненный взгляд «чужака-горожанина»), имплицитно и эксплицитно сопоставительный характер наблюдений, опора на «непроверенных проводников» (что порождает сомнительные упрощения сложных феноменов, которые удобно интерпретировать в контексте «простого» (отсталого) сельского общества) и т.д.). Книга Э. Бэнфилда показательна и в том смысле, что уже более чем столетия назад «статус» сельского поселения (под давлением последствий индустриализации сельского хозяйства и городской потребительской культуры) не гарантировал, что, попав из города в номинально сельский мир, мы обязательно оказались бы в царстве *gemeinschaft*-отношений и коммунальности, поскольку, как и сегодня, основными проблемами сельских сообществ были безработица, бедность, низкий уровень доверия местной и региональной власти, а также восприятие государства как одновременно причины ухудшения собственной жизни и единственного источника финансовой помощи и сдерживания коррумпированных чиновников (хотя от государства в любом случае лучше держаться подальше).

Наши кейс-стади в сельских районах Нечерноземья (в Ленинградской, Вологодской и Архангельской областях) позволили нам увидеть через судьбы конкретных людей и поселений процессы обезлюдения сельской местности, разрушения сельхозпредприятий и развала сельской инфраструктуры, но в то же время и наполнить реальным «содержанием» указанные выше достаточно оптимистичные показатели занятости и стабилизации численности сельского населения. Дело в том,

что на селе, причем даже в традиционно депрессивных районах Нечерноземья, постепенно складывается новый местный предпринимательский слой: в селе остаются или приезжают молодые предприниматели (тенденции воспроизводства и обновления сельского предпринимательского слоя), которые поддерживают экономику села (создают рабочие места, пополняют местные бюджеты), сохраняют местные сообщества, восстанавливая их «нормальную» социально-демографическую структуру (оплачивают получение образования местными ребятами, привлекают на работу молодежь из соседних районов), активно сотрудничают с местной администрацией (помогают строить жилье для молодых специалистов, спонсируют местные праздники, деньгами, техникой и работниками помогают поддерживать чистоту и т.д.). Скажем, если сельские *«проблемы – это дороги, освещение улиц и состояние благоустройства, которое очень плохое. и должны выделяться средства на решение данных проблем, должна быть создана команда по вопросам благоустройства»*, но команда не создается и деньги не выделяются, то эти задачи решают местные предприниматели (совместно или по очереди). Если *«наиболее острая проблема – то, что нет работы такой, которую хотелось бы, что молодежь не остается, что деревня вымирает, что тут уже одни пенсионеры. а у нас растет лес, это деревопереработка..., она бы нас выручила... а так у молодых сейчас весь взгляд на другие регионы»*, то либо появляются предприниматели, которые деревопереработку налаживают (как правило, при поддержке местных властей, заинтересованных в рабочих местах и налогах), либо молодежь из деревни уезжает туда, где такие предприниматели находятся.

Финансовая отдача от мелких и средних предпринимателей – основная причина заинтересованности в их появлении у местных администраций, потому что крупные предприятия (не говоря уже об агрохолдингах) практически всегда зарегистрированы как налогоплательщики в городах (не всегда в регионе, где реально работают) и потому не участвуют в формировании финансовой базы муниципалитетов. Если же такой предпринимательский слой на селе не развивается, что главам дотационных муниципалитетов приходится *«ездить в район, в область деньги выбивать... Ну, я как-то с пониманием к этому отношусь, если хочется что-то в деревне сделать. Если у меня получается с главой района переговорить, и если сейчас есть у него такая возможность оказать помощь, то дает добро. А если нет, то я же понимаю, что глава района их из собственного кармана не вытащит..., у него тоже проблем воз и маленькая тележка»*.

Сельскохозяйственные и иные предприятия (все местные предприниматели), как и в советское время, вынуждены вкладывать часть оборотных средств и прибыли в поддержание социальной инфраструктуры и социального капитала поселений, потому что иначе у них просто не будет работников. Как и в советское время, большинство подобных обязательств местные предприниматели выполняют неформальным образом, а не через официальные налоговые отчисления и платежи, что упрочивает их взаимоотношения с руководителями сельских муниципалитетов – они начинают действовать сообща в интересах сельских жителей. Если же такие устойчивые

отношения муниципалитета и предпринимателей не складываются (своего рода микро-модель государственно-частного партнерства), то вероятность выживания поселения только на дотациях крайне низка, и оно превращается в вотчину дачников: *«Вообще ни одного человека коренных не проживает, одни дачники живут... Дачники стали появляться, наверно, лет десять назад, а так дома стояли пустующие... А что: дом деревянный за десять тысяч можно приобрести, да и за десять тысяч его оформить. Да плюс еще десять тысяч переоформить того, кто там будет жить... У населения в деревнях таких денег нет. И поэтому приезжают дачники живут».*

С одной стороны, кажется, что поведение сельских предпринимателей (не рациональное с позиций «капиталистической погони за прибылью») можно объяснить долгосрочным вкладом в сохранение и преумножение социального капитала села, что в будущем обеспечит их работниками, не ориентированными на трудовую миграцию в другие регионы, поскольку они будут встроены в сети взаимной поддержки и сотрудничества ради общего блага. С другой стороны, нужно следовать завету качественных исследователей – создавать мини-теорию случая – и помнить, что «индивиды делают выбор, когда лучший выбор из двух возможностей, или самый лучший выбор из нескольких возможностей, зависит от того, какой выбор сделают или уже сделали другие», т.е. речь идет о «взаимозависимом выборе» [Шеллинг, 2016: 8], а «большая часть видов деятельности, по существу, во многих обществах, свободна от центрального управления или же подчинена санкциям и предписаниям, которые действуют косвенно... и хотя людей может волновать то, как все это складывается в целом, их собственные решения и их собственное поведение в обычном случае мотивируются лишь их собственными интересами (на самом деле люди часто видят и подстраиваются не к числу тех или иных выборов, а к их последствиям), а потому на них часто воздействует лишь локальный фрагмент общей схемы» [Бэнфилд, 2019: 32]. И тогда поведение сельских предпринимателей можно рассматривать как своего рода иллюстрацию «теории малых дел» [см., напр.: Зверев, 2016].

Речь идет о своеобразном современном воплощении «теории малых дел», которая оформилась более столетия назад в качестве комплекса альтруистических коммунитарных идей, призванных изменить сельскую жизнь посредством мирных повседневных преобразований на локальном уровне («интеллигентная деревня» А. Н. Энгельгардта, куда должны были вернуться культурные силы благодаря воспитанию из образованных горожан рачительных сельских хозяев, «интеллигентных мужиков», «севших на землю»; концепция «исторического призвания русского помещика» Н. Н. Неплюева, который призывал помещиков разнообразными практическими действиями «улучшать крестьянский быт» [см.: Гордеева, 2003]). Наши полевые наблюдения показывают распространение локальных инициатив по возрождению сельской жизни с помощью просветительских, культурно-исторических, рекреационно-экологических и прочих проектов, инициаторами которых редко выступают предприниматели (чаще местные активисты), но именно они оказывают таким инициативам финансовую, организационную и кадровую поддержку – не из

корыстно-прибыльных соображений, а скорее из культурно-просвещенческих. Однако результаты этих инициатив (возрождение и развитие депрессивных и заброшенных провинциальных пространств, забытых государством и рынком) неизбежно будут выгодны и предпринимателям – как с точки зрения их бизнеса, так и жизни в совершенно ином социально-экономическом и социокультурном пространстве [см., напр.: Потенциал Ближнего Севера, 2014].

«В Европе, допустим, сельское предприятие ничего не волнует – дорогами занимаются дорожники, субсидируется жилье. А у нас дело в том, что, если мы не почистим, нам самим не проехать, не пройти. Поэтому, дорого это или дешево, мы здесь живем, наши дети, поэтому мы все равно чистим. Но район нам компенсирует что-то, если мы заключаем договор – мы научились спорить с ними, договариваться. Я вот главу района на такой диалог вызвал: “Вот смотрите, мы же должны заниматься сельским хозяйством, а дороги должны чистить дорожники, профессионалы. Этим должны заниматься те, кто этим занимается десятилетия, кто на это учился. Но дорожников воротит, дорожники чистят там, где ездят, – магистрали, основные дороги. А все, что внутри поселения, – ходите пешком... Но нельзя же так смотреть – мы будем заниматься только выгодными вещами, а все, что убыточное, отставлять. Тогда и то, что выгодно, в конце концов отвалится. Поэтому мы занимаемся сами своими свалками, чистим, разгребаем, и денег на этом не зарабатываем... А руководство наше местное смотрит немножко поверхностно: иной раз... приходится им открывать глаза. Начнут: “Мы не будем то, у нас нет средств. Я ничего не знаю. Нам это не надо”. Я говорю: “Слышишь, если по большому счету, мне-то оно тогда как бы вроде тоже не надо. Я здесь [на местном фестивале] быть не обязан – у меня отчет, я должен коров доить, землю пахать, это моя обязанность. Что я тут с вами сижу и деньги даю, если вам не надо как власти и культуре вот это мероприятие и подготовка к нему... Но поверьте, если вам не надо, мы без вас сделаем”... Так что могу, да, расхваливать себя, конечно – все, что касается дров, чистки дорог, проведения мероприятий, являюсь соучредителем фестиваля, спортивных мероприятий. В этом плане мы, предприниматели, главы сельхозпредприятий, во всем участвуем, во всем стараемся помочь и содействовать, если есть инициативные, мы их всегда поддерживаем. А когда по принципу начинается “мы не можем, у нас нет денег”, я говорю, что эту фразу, сколько живу, столько слышу. Денег ни у кого никогда нет... Их и не будет – под лежащий камень вода не бежит».

Таким образом, длительные и/или мониторинговые исследования российского сельского пространства в формате кейс-стади, с одной стороны, подтверждают на конкретных примерах (поселенческих и семейных) сохраняющуюся тенденцию ухудшения социально-экономического состояния села и сокращения его социального капитала, но, с другой стороны, позволяют увидеть очаги возрождения сельской жизни, возникающие благодаря усилиям местных предпринимателей (сначала по созданию и расширению производства и обретению экономической самостоятельности, а затем и

по развитию сельских поселений), которые постепенно порождают особый тип сельского предпринимательского активизма, который способствует самоорганизации местных сообществ [см., напр.: Аверкиева, 2019; Фадеева, 2019].

Библиографический список

Аверкиева К. В. Можем вместе! Реализация общественных инициатив потемски // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 4. С. 132–137.

Бегельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения в области практического применения в современности / Пер. с англ. Н. В. Автономовой; науч. ред. В. С. Автономова. М.-СПб.: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2016. 464 с.

Божков О. Б., Троцук И. В. Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 731–746.

Бэнфилд Э. Моральные основы отсталого общества. М.: Новое издательство, 2019. 216 с.

Виноградский В. Г. «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ, 2009. 292 с.

Гордеева И. А. «Забывшие люди». История российского коммунитарного движения. М.: АИРО-XX, 2003. 240 с.

Зверев В. В. Отголоски «теории малых дел» в начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2016. Т. 15. № 1. С. 29–38.

Калугина З. И., Фадеева О. П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009. 339 с.

Максимов А. Ф. Количественный анализ и оценка численности сельскохозяйственных потребительских кооперативов // Прикладные экономические исследования. 2018. № 6 С. 62–69

Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.

Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы / Отв. ред. Т. Е. Кузнецова. М.: Институт экономики, 2009. 285 с.

Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство. 2003. 408 с.

О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2015 году. Ежегодный доклад по результатам мониторинга / Отв.: В. П. Свеженец, А. Г. Папцов, Л. В. Бондаренко. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2017. Вып. 3. 353 с.

О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2016 году. Ежегодный доклад по результатам мониторинга / Отв.: В. П. Свеженец, А. В. Петриков. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2018. 327 с.

О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2017 году. Ежегодный доклад по результатам мониторинга: Н. И. Шагайда, Р. Г. Янбых, В. Я. Узун, А. С. Строков, А. М. Никулин, О. А. Попова, А. Г. Полякова, М. А. Котомина, И. В. Троцук, Д. А. Логинова, Е. А. Шишкина, Н. И. Галиева. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. Вып. 5. 332 с.

Овчинцева Л. А. Вовлечение населения в устойчивое развитие сельских территорий // Никоновские чтения. 2004. № 9. С. 342–347.

Овчинцева Л. А. Развитие сельской снабженческо-сбытовой кооперации: по данным социологических опросов // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2018. № 5. С. 80–84.

Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения / Под ред. Н. Е. Покровского, Т. Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014. 200 с.

Сарайкин А. В., Янбых Р. Г. Анализ устойчивости кооперативной формы хозяйствования аграрного сектора России в контексте институциональной теории фирмы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Экономика. 2019. Т. 35. № 2. С. 251–268.

Сарайкин А. В., Янбых Р. Г. Классификация кооперативов и развитие сельскохозяйственной кооперации. // АПК: экономика, управление. 2018. № 7. С. 13–22.

Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.

Тросби Д. Экономика и культура / Пер. с англ. И. Кушнareвой. М.: Издательский дом ВШЭ, 2018. 256 с.

Троцук И. В. Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2007. № 4. С. 14–22.

Узун В. Я., Шагайда Н. И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Издательский дом «Дело», 2015. 352 с.

Фадеева О. П. Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации // ЭКО. 2009. № 4. С. 71–94.

Шабанов В. Л. Факторы и причины сельской бедности в современной России // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14. № 4. С. 31–35.

Шагайда Н. И., Узун В. Я., Никулин А. М., Троцук И. В., Шишкина Е. А. Мониторинг состояния продовольственной безопасности России в 2014–2016 гг. М.: Издательский дом «Дело». 2019. 114 с.

Шеллинг Т. К. Микромотивы и макроповедение / Пер. с англ. И. Кушнareвой; ред. Д. Шестаков. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 344 с.

Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые исследования, СПб.: Алетейя. 2009. 352 с.

Ястребинская Г. А. Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян: 1992–2002. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 348 с.

Creswell J. W. Qualitative Inquiry and Research Design: Choosing Among Five Approaches. Thousand Oaks: Sage Publications, 2013. 537 p.

Creswell J. W. Research Design: Qualitative, Quantitative and Mixed Methods Approaches. Thousand Oaks: Sage Publications, 2014. 342 p.